

На правах рукописи

НАУМОВА Мария Максимовна

**ОТКРОВЕННОСТЬ
В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2015

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный руководитель – *Панченко Надежда Николаевна*, доктор филологических наук, доцент.

Официальные оппоненты: *Дементьев Вадим Викторович*, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики);

Лихачева Татьяна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент (ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный технический университет», доцент кафедры иностранных языков).

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет».

Защита состоится 3 июля 2015 г. в 12.30 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.01 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vgpu.org>.

Автореферат разослан 8 мая 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Н.Н. Остринская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая работа выполнена в русле коммуникативной лингвистики и прагмалингвистики.

Объектом данного исследования является коммуникативный феномен «откровенность», рассматриваемый в межличностной коммуникации. **Предметом** изучения выступают вербальные и невербальные средства выражения откровенности, а также тактики ее реализации в межличностной коммуникации.

Несмотря на ряд уже имеющихся научных изысканий, посвященных таким важнейшим категориям, концептам и ценностям межличностного общения, служащим условиями гармоничных отношений между людьми, как искренность, правда и истина (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, С. Деннингхаус, С.Н. Плотникова, А.В. Пузырев, Ю.С. Степанов, И.Б. Шатуновский, А.Д. Шмелев и др.), откровенность в межличностной коммуникации, насколько нам известно, ранее не становилась объектом специального изучения. **Актуальность** представленной работы обусловлена не только этим фактом, но также важностью рассмотрения структуры и функций доверительного общения, потребностью в описании коммуникативных особенностей реализации откровенности в межличностном общении.

В основу исследования положена следующая **гипотеза**: специфика откровенности проявляется в ситуации доверительного общения, в выполняемой функции, в совокупности тактик, вербальных и невербальных средств реализации.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении средств реализации откровенности в межличностном общении. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие основные **задачи**:

- 1) обобщить подходы к рассмотрению понятия межличностной коммуникации в лингвистике; проанализировать понятие «доверие» и выявить функции, релевантные для доверительного откровенного разговора;
- 2) проанализировать содержание понятия «откровенность», выявить его соотношение со смежными коммуникативными феноменами;
- 3) выявить специфику реализации откровенности и доверительности в институциональных видах дискурса;
- 4) построить типологическую классификацию коммуникативных ситуаций откровенного разговора;
- 5) проанализировать специфику коммуникативного поведения участников откровенного разговора;
- 6) описать их метакоммуникативную деятельность.

Цели и задачи настоящего исследования определили выбор **следующих методов**: общенаучные методы – гипотетико-дедуктивный метод и описательный метод, представленный приемами классификации, обобщения и интерпретации текстов различных научных парадигм, направленной на осмысление сущности изучаемого явления; метод наблюдения, используемый для получения первичной информации, уточнения и интерпретации полученных результатов на разных этапах исследования; метод контекстуального и дискурсивного анализа, позволяющий рассмотреть откровенный разговор с учетом основных компонентов коммуникативной ситуации, определить набор тактик, используемых при его реализации; метод дефиниционного анализа, определяющий содержательный минимум ключевых понятий «доверие», «откровенность»; анкетирование, уточняющее дифференциальные признаки понятия «откровенность» и характеризующее участников откровенного разговора.

Источниками материала исследования послужили примеры из художественной и публицистической литературы на русском языке, тексты интернет-сайтов и интернет-форумов, скрипты художественных фильмов продолжительностью 480 мин., скрипты телеинтервью продолжительностью 735 мин., отражающие проявление откровенности в речи участников коммуникации, а также данные толковых словарей, словарей синонимов, материалы Национального корпуса русского языка. В общей сложности проанализировано около 2 тыс. примеров, включая контексты рефлексии. В качестве *основной единицы* исследования рассматривался текстовый фрагмент, представляющий пример описания или выражения откровенности в межличностном общении.

Научная новизна диссертации заключается, прежде всего, в выборе объекта исследования. Впервые сделана попытка комплексного анализа откровенности как коммуникативного феномена, реализуемого в рамках доверительного общения; проанализированы особенности реализации откровенности в контексте межличностной коммуникации с позиции доверителя и конфиденанта^{*}; предложена типологическая классификация коммуникативных ситуаций откровенного разговора. Кроме того, научная новизна предлагаемого диссертационного исследования заключается в том, что откровенность была рассмотрена в различных институциональных видах дискурса.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии дискурсивной парадигмы исследований, в разработке комплексного подхода к анализу феномена откровенности. Диссертация вносит вклад в изучение ряда положений коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики, теории метакommunikации. Представлены особенности реализации откровенности в межлич-

---

^{*} Термин профессора Е.И. Шейгал.

ностной коммуникации, до сих пор не получившие многостороннего рассмотрения в научной литературе.

Практическая ценность диссертации обусловлена возможностью применения выводов и материалов исследования в вузовских лекционных курсах по теории коммуникации, спецкурсах по теории дискурса, прагмалингвистике, а также при разработке практических пособий по межличностной коммуникации.

Личным вкладом автора являются: 1) описание откровенности как специфического коммуникативного феномена в рамках доверительного общения; 2) разграничение откровенности и смежных с ней коммуникативных явлений – искренности, разговора по душам; 3) построение типологии откровенного разговора с учетом параметров интенциональности, подготовленности, достоверности, количества коммуникантов и мены ролей; 4) выявление тактик стимулирования откровенности, используемых потенциальным конфидентом; 5) анализ и описание наиболее частотных вербальных и невербальных средств, используемых доверителем на разных этапах коммуникативной ситуации откровенного разговора.

Теоретико-методологической базой диссертации послужили исследования отечественных и зарубежных ученых, посвященные проблемам коммуникации и дискурса, формам и жанрам речевого общения (Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, А. Вежбицкая, В.Е. Гольдин, В.В. Дементьев, О.С. Иссерс, В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, Т.Н. Колокольцева, В.В. Красных, О.А. Леонтович, М.Л. Макаров, А.В. Олянич, И.А. Стернин, Е.И. Шейгал, Т. van Dijk, Н.Р. Grice, Е.Т. Hall, Н.Д. Kübler, J.R. Searle и др.); специфике межличностной коммуникации (Д. Бивин, П. Вацлавик, Е.Л. Доценко, Ж.В. Зарицкая, Н.В. Казаринова, В.Н. Куницына, О.И. Матьяш, В.М. Погольша, Г.Г. Почепцов, Р.В. Adler и др.); коммуникативным стратегиям и тактикам (Е.Г. Борисова, Е.М. Верещагин, А.А. Залевская, О.С. Иссерс, С.Н. Плотникова и др.) и метакоммуникации (И.Т. Вепрева, Л.С. Гуревич, Е.М. Воробьева, Т.А. Воронцова, И.П. Сусов, G. Bateson, J. Ruesch и др.).

На защиту выносятся следующие теоретические положения:

1. Откровенность представляет собой специфический коммуникативный феномен, дифференциальными признаками которого являются ситуативная обусловленность общения, катаргическая функция, лично значимый характер сообщаемого, актуальная значимость Другого и доверительный характер общения. Откровенность реализуется в рамках доверительного межличностного общения, для которого наиболее значимы незаменимость отношений, готовность к самораскрытию, обращенность к партнеру, диалогичность и общность личностных смыслов.

2. В ситуации откровенного общения доверие, основанное на аффилиации – важнейшей потребности человека в создании тёплых, эмоционально

значимых отношений с другими людьми, выполняет функции эмоциональной поддержки, установления психологического контакта, формирования и углубления межличностных взаимоотношений, сохранения и/или восстановления душевного равновесия.

3. Специфика вариативности откровенности в разных видах институциональной межличностной коммуникации обусловлена различной степенью самораскрытия – от минимальной (частичная откровенность) до максимальной (исповедальная откровенность), а также жанровой спецификой. В жанрах массмедийного политического дискурса откровенность соотносится с идеей информационной открытости власти; в массмедийном дискурсе лишена спонтанности и искренности, реализуется в речевом жанре «исповедальное телевизионное интервью»; в медицинском дискурсе фокусируется на максимальной открытости и искренности пациента и зависит от коммуникативной компетенции врача; в религиозном дискурсе реализуется в церковном таинстве исповеди; в юридическом дискурсе – в речевых жанрах «явка с повинной», «чистосердечное признание».

4. Основные типы коммуникативных ситуаций откровенного разговора в бытовом межличностном общении классифицируются по следующим параметрам: 1) интенция адресата – осознанная или вынужденная откровенность; 2) подготовленность – подготовленная или спонтанная; 3) степень достоверности – истинная, мотивируемая внутренним искренним желанием говорящего, или ложная, обусловленная корыстными намерениями; 4) «мена ролей» – диалогический тип или преимущественно монологический тип; 5) степень знакомства коммуникантов – близкие люди или едва знакомые («эффект случайного попутчика»).

5. В ролевой структуре коммуникативной ситуации откровенного разговора выделяются доверитель и конфидант. Дискурсивная роль доверителя более эксплицитна и заключается в самораскрытии и вверении лично значимой информации. Дискурсивная роль конфиданта варьируется по степени активности. Пассивная роль выражается в минимальном участии в разговоре, активная роль проявляется в использовании тактик стимулирования откровенности, дифференцируемых с точки зрения интенции.

6. Метакоммуникативная деятельность, соотносимая с позицией доверителя, коррелирует с разными этапами откровенного разговора, выполняет ориентирующую, резюмирующую, уточняющую функции, маркирует степень его откровенности. Метакоммуникативные речевые действия, принадлежащие конфиданту, выполняют констатирующую и оценочную функции, ориентированы на содержательную часть откровенного разговора или на личность доверителя, степень искренности его намерений.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность»

Волгоградского государственного социально-педагогического университета (2011–2015 гг.), а также были представлены в виде докладов и сообщений на Международной научно-методической конференции «Личность, речь и юридическая практика» (Ростов-на-Дону, 2012 г.), VII Международной научной конференции «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики» (Волгоград, 2013 г.).

Содержание работы отражено в 7 публикациях общим объемом 2,5 п.л., включая 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, списка лексикографических источников и источников практического материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Откровенность и доверительность: аспекты анализа» приводится обзор научных исследований по межличностной коммуникации, описываются параметры и функции доверительного общения как специфического вида межличностной коммуникации; анализируется содержание понятия «откровенность», устанавливаются признаки, отличающие его от близких понятий.

Анализ исследований по теории коммуникации (М.А. Гуляева, Н.В. Казаринова, В.П. Конецкая, В.Н. Куницына, О.И. Матяш, В.М. Погольша и др.) показал, что существуют различные подходы к определению понятия «межличностная коммуникация» – диадный (количественный) и личностный (качественный / гуманистический). В работе используется подход, фокусирующий внимание не на количестве участников, а на характере и качестве их отношения друг к другу.

Базовые характеристики межличностной коммуникации, отличающие ее от других видов общения, сводятся к следующим: диадность (взаимодействие между двумя или несколькими собеседниками); наличие обратной связи; многоконтекстность и актуализация в различных формах (возможность реализации в разных средах и контекстах – семейные отношения, профессиональная сфера и т.д.; непосредственно (с глазу на глаз, в присутствии других лиц) или опосредствованно – через телефонную, компьютерную связь, в беседе, в форме интервью и т.д.); многоканальность (возможность одновременного использования нескольких каналов передачи и восприятия информации).

Среди выделяемых учеными функций межличностной коммуникации для реализации откровенности наиболее значимыми являются: *функция понимания* (адекватное восприятие и понимание смысла сообщения и взаимное понимание – намерений, установок, переживаний, состояний); *эмотивная*

функция (возбуждение в партнере нужных эмоциональных переживаний); *функция установления отношений* (осознание и фиксация своего места в системе ролевых, статусных, деловых, межличностных и прочих связей сообщества, в котором действует индивид).

Важной характеристикой и презумпцией межличностного общения является доверие, которое относится к базовой потребности человека в принадлежности к социальной группе, поддержке (А. Маслоу), играет ключевую роль в социуме, выполняя ряд экзистенциальных функций: условия гармоничного человеческого существования, формирования позитивного отношения, эмоциональной поддержки, установления психологического контакта, социальной релаксации и др. Испытывая доверие к Другому, субъект ориентирован на взаимность в отношениях, поскольку доверительное общение базируется на аффилиации – одной из важнейших потребностей человека в создании тёплых, эмоционально значимых отношений с другими людьми.

Обсуждение генезиса доверительного общения позволило установить, что доверие может быть:

- сиюминутным, инстинктивным, стимулируемым: а) сильными эмоциональными переживаниями (отчаянием, неоправданными надеждами, сиюминутными желаниями) – *импульсивное доверие*; б) субъективным отношением к человеку (слепая вера без рационального отчета в надежности конфиданта) – *наивное доверие*; в) внешними факторами – *бесконтрольное доверие*;
- подготовленным, сформированным в результате опыта предшествующего общения и последовательного прохождения стадий: а) установления первого контакта и формирования образа другого человека, установки, предопределяющей характер дальнейшего взаимодействия; б) формирования межличностных отношений; в) стабилизации межличностных отношений, установления оптимального психологического контакта.

В структуре доверительного общения, вслед за Е.И. Шейгал, нами выделяются два участника коммуникации: доверитель – человек, который доверяет лично значимую информацию, и конфидант – человек, которому доверяется информация. Основными условиями возникновения доверия являются актуальная значимость Другого, личностные качества конфиданта, его порядочность и надежность в сохранении доверяемой информации: *...Люсе он доверился исключительно потому, что был уверен в ней, как в человеке нелюбопытном и неболтливом* (Н. Трофимова. Третье желание).

Исключение составляет особая ситуация доверительного общения – «эффект случайного попутчика», в которой откровенность возникает спонтанно, а личность конфиданта, его порядочность и надежность нерелевантны для доверителя: *Мой попутчик был со мной так откровенен только потому, что знал: мы скоро расстанемся и его исповедь растает на высоте тридцати тысяч футов* (И. Ефимов. Суд да дело).

Доверительное общение может быть градуировано по степени искренности доверителя – от минимальной до максимальной, где крайней формой такого откровенного самораскрытия человека в процессе общения является исповедь, представляющая собой перевод глубинных внутренних переживаний на поверхностный коммуникативный уровень.

В коммуникативной ситуации откровенного разговора доверие выполняет функции эмоциональной поддержки, установления психологического контакта, формирования и углубления межличностных взаимоотношений, сохранения и/или восстановления душевного равновесия.

Толкование дефиниций слов *‘откровенность’*, *‘откровенный’* через близкие понятия «искреннее признание», «искренний», «правдивый» обусловило необходимость выявления дифференциальных признаков понятия «откровенность», позволяющих отличить его от близкого к нему понятия искренности.

Проведенный опрос 91 информанта в возрасте от 18 до 74 лет, имевший целью а) уточнение понятия «откровенность»; б) разграничение понятий «откровенность» и «искренность»; в) определение адресата откровенности в бытовом межличностном общении, показал, что в 48,35% определений откровенность трактуется через близкородственные понятия или однословные синонимы: *‘открытость’*, *‘чистосердечность’*, *‘правда и открытие’*, *‘открытое общение’*, *‘честность’*, *‘неподдельность’*, *‘правдивость’*. Подобное понимание откровенности обусловлено достаточно прозрачной внутренней формой слова *‘откровенность’*, соотносимой с идеей открытия чего-либо, коррелирует с тем значением слова *‘откровенность’*, которое отождествляется с фундаментальными коммуникативными ценностями (правдивость, искренность, честность), составляющими презумпцию общения.

Информанты как при определении понятия «откровенность», так и при отграничении его от искренности (25,27 и 27,47% соответственно) акцентируют внимание на особом характере сообщаемой в ситуации откровенности информации: *‘открытие сокровенных тайн’*, *‘рассказывать тайны и самые секретные вещи’*, *‘готовность говорить об интимных вещах’*, *‘когда человек без утайки снимает покров с самого сокровенного, что есть у него на душе’*, *‘изложение своих личных и интимных мыслей’*, *‘состояние, при котором хочется поделиться своими мыслями, чувствами, тайнами, рассказать о том, что говоришь самой себе (не вслух)’*, *‘когда человек рассказывает о себе или о чем-то даже такие вещи, которые рассказывать стыдно’*.

Согласно Н.Д. Арутюновой, «правда откровенности» представляет вид адресованной правды. Ее содержанием является новая для адресата информация, и касается она большей частью самого говорящего, той сферы его жизни, сообщение о которой не входит в норму повседневной коммуника-

ции. «Правда откровенности» открывает сокровенное, которое бывает неприглядным, содержит сведения о дурных, недостойных, безнравственных поступках, здесь нет коннотации «чистого сердца» (Арутюнова, 1998).

Ценным является факт, что 16,48% опрошенных эксплицитно или имплицитно описывают ситуацию, в которой возможно откровенное общение, как доверительную: *Откровенность – это состояние, в котором человек может довериться кому-либо; Изложение личных и интимных мыслей человеку, которому доверяешь* и т.д.; указывают на личностные качества адресата – надежность, способность хранить секреты, готовность оказать эмоциональную поддержку: *Откровенность – это передача самых сокровенных чувств тем людям, которым ты доверяешь. При этом должна быть уверенность, что они тебя не подведут и не расскажут другим то, что ты доверил им; Это открытие сокровенных тайн надежному человеку, который способен выслушать, посочувствовать.*

Одна из поставленных задач опроса – определить, с кем говорящие предпочитают быть откровенными. Обсуждение позиции адресата, реализующей коммуникативную значимость Другого в ситуации откровенного разговора, показало, что в 12,1% случаев респонденты не готовы к самораскрытию, откровенному разговору с другой личностью: ‘ни с кем’; ‘с собой’; ‘правду могу сказать только себе’; ‘только себе могу признать свои удачи и поражения’. В большинстве случаев (68,13%) адресатом откровенности выступают близкие: ‘родные’, ‘братья’, ‘жена’, ‘дочка’, ‘родители’, ‘с мамой’, ‘с мужем’, ‘с сестрой’. На втором месте находятся друзья – 52,75%: ‘близкая подруга’, ‘лучший друг’, ‘с друзьями’, ‘с парнем’, ‘с девушкой’. Для 5,49% участников опроса приоритетными являются не родственные или близкие / дружеские отношения, а личностные качества: ‘с верными людьми’; ‘с людьми, которым я доверяю’; ‘с людьми, с которыми комфортно’; ‘когда собеседник вызывает доверие’.

Анализ результатов анкетирования показал, что в дискурсивных практиках повседневного общения понятие откровенности зачастую отождествляется с понятием искренности, что в русскоязычном наивном сознании данные понятия не дифференцируются в 53,85% случаев: ‘близки по смыслу’; ‘ничем не отличаются’; ‘это синонимы’, ‘схожие понятия’; ‘близкие понятия’ и т.д.

На наш взгляд, данные понятия не тождественны. Интегральным признаком этих понятий является правдивость говорящего, истинностный аспект сообщаемого. Искренность выступает как условие и презумпция ежедневного общения, откровенность, в отличие от искренности, не практикуется коммуникантами постоянно в ежедневном общении, не является компонентом любого общения, а реализуется в специфических коммуникативных ситуациях и определенных речевых жанрах. На ситуативную обусловленность от-

кровенности указывают 13,19% респондентов: *Искренность – это способность говорить правду в любой ситуации, откровенность – это состояние, в котором человек может довериться кому-либо; Искренность – это скорее качество (способность быть честным в чувствах, честно выражать эмоции, не лицемерить), т.е. искренность часто не осознана, тогда как откровенность – поступок, действие, на которое человек идет обдуманно; Откровенность – единократное выражение истинных чувств, мыслей, а искренность – скорее черта характера, отличающая человека, который говорит то, что думает и чувствует.*

Участники опроса, определяя откровенность как ‘минутную слабость’; ‘порыв в чем-то признаться’; ‘минутный порыв’, указывают тем самым на непродолжительность, временную ограниченность, ситуативность состояния человека, готового к откровенности. Откровенность представляет собой одну из форм осознанного проявления искренности, открытости Другому.

Еще одним дифференциальным признаком откровенности, выделяемым респондентами, являются степень правдивости, возможность / невозможность фальсификации высказывания. Поскольку на факт, что откровенность отличается от искренности ‘честностью высказывания’; ‘непритворством, неподдельностью’; ‘правдивостью’; ‘искренность не всегда может быть истинной, «натуральной», естественной’, обратили внимание лишь 3,3% опрошенных, данный признак трактуется нами как условно дифференциальный.

Анализ дефиниций понятия «откровенность», существующих в лингвистических исследованиях точек зрения на соотношения откровенности и искренности, результатов проведенного анкетирования позволил выделить наиболее значимые для данного исследования признаки откровенности: 1) готовность человека (доверителя) к самораскрытию; 2) лично значимый характер сообщаемого (сокровенные, интимные сведения); 3) значимость Другого (конфиданта); 4) доверительный характер общения; 5) ситуативная обусловленность; 6) катартическая функция; 7) правдивость сообщаемого.

Во второй главе «Откровенность в институциональной межличностной коммуникации» описывается специфика откровенности в институциональной межличностной коммуникации; устанавливаются особенности варьирования откровенности в институциональных видах дискурса – массмедийном, политическом, медицинском, религиозном и юридическом.

Одной из выделенных базовых характеристик межличностной коммуникации является многоконтекстность, т.е. возможность реализации в различных социальных средах и контекстах, профессиональных сферах коммуникативного взаимодействия. В институциональных видах дискурса может

проявляться такой вид межличностной коммуникации, как доверительное общение, в рамках которого возможна и реализация откровенности.

Варьирование откровенности в различных типах дискурса обусловлено несколькими факторами: изменением количественного и качественного состава собеседников; внешними условиями и внутренним состоянием говорящего; готовностью говорящего к самораскрытию; целью конкретного дискурса и его жанровым своеобразием.

Из разнообразия жанров массмедийного дискурса наибольший интерес для рассмотрения откровенности представляют такие жанры, как исповедь в периодической печати, теле-/радиоинтервью в стиле откровенного разговора (Мелехова, 2010; Тертычный, 2000).

Общим признаком, сближающим откровенный разговор в доверительном повседневном общении и медиакоммуникации, является тематика сообщения (референт) или характер информации – обсуждение событий частной жизни, признание и объяснение мотивов неблагоприятных поступков, раскаяние, раскрытие сокровенных мыслей и чувств. Что касается интенций коммуникантов, то целеустановка героя телеинтервью не всегда направлена на искреннее самораскрытие, «обнажение души», а зачастую обусловлена PR-стратегией и рекламными интересами. Роль конфиданта в ситуации откровенного общения в бытовом дискурсе более пассивна, в отличие от активной роли ведущего телеинтервью, имеющего интенцию максимального раскрытия личности собеседника и использующего разного рода стратегии и тактики.

Анализ передач в жанре откровенного телеинтервью («Наедине со всеми», «Женский взгляд», «Временно доступен», «Жена», «Школа злословия», 2004–2014 гг.) позволил выделить коммуникативные тактики и приемы, обладающие наибольшим потенциалом для достижения основной цели телеинтервью в жанре откровенного разговора – продемонстрировать истинный внутренний мир героя.

Тактика солидаризации и отождествления выступает средством выражения заинтересованности, позволяющим собеседнику воспринимать журналиста как «своего»: – *Вы знаете / я с удивлением узнала, что у нас с Вами одно общее пристрастие / Фильм «Большой Вальс» / И это на всю жизнь у меня* («Жена». Елена Образцова, 24.02.2012).

Тактика уточнения включает вопросы, направленные на пояснение или дополнение, заострение внимания на деталях, которые, на первый взгляд, могут быть незначительными и очевидными, но важными для достижения цели интервью: – *А вот Вы сказали / что Вы после аварии стали как-то иначе смотреть на жизнь / как-то изменился Ваш взгляд? / Как он изменился?* («Наедине со всеми». Ирина Скворцова, 05.02.2014).

Проективная тактика, реализуемая с помощью:

а) приема свободных ассоциаций: – *Скажите / каким бы Вы были цветком, если бы Вы были цветком?* («Школа злословия». Анастасия Волочкова, 25.12.2004);

б) приема моделирования: – *Так чего же Вы хотите? / Тина Канделаки через 20 лет?* («Временно доступен». Тина Канделаки, 14.02.2010).

Тактика провокации, реализуемая с помощью прямых или непрямых провокационных вопросов, лексических средств с нежелательной коннотацией или неприемлемых для собеседника языковых средств и др., призвана заставить собеседника выйти из комфортной зоны, подготовленного заранее имиджа и побудить к незапланированной откровенности.

А. Смирнова: *У Вас такие ногти огромные / А как в носу ковыряться?*

Т. Толстая: *А у Вас ногти настоящие или наклеенные?*

А. Волочкова: *Настоящие / конечно.*

Т. Толстая: *А когда ломаются?*

А. Волочкова: *Ломаются? / Они вырастают...* («Школа злословия». Анастасия Волочкова, 25.12.2004).

Результат состоявшейся откровенности в телеинтервью отождествляется с субъективным впечатлением зрителя от неожиданного самораскрытия героя передачи, когда спадает маска и открывается истинное лицо.

Рассмотрение откровенности в политическом дискурсе имеет цель выявить наличие / отсутствие откровенности в пространстве политической коммуникации, носит условный характер, фокусируется в большей степени на опосредованной СМИ политической коммуникации. Откровенность в жанрах массмедийного политического дискурса соотносится с идеей информационной открытости власти, которая предстает как прозрачность политической деятельности (например, избирательного процесса), возможность беспрепятственного доступа народа к официальной информации, в том числе о деятельности управленческого аппарата.

Откровенность в той или иной степени характерна для таких жанров, как публичные выступления политиков, интервью политических лидеров. В данных жанрах наблюдается градация по степени откровенности от просто правдивого сообщения, представленного минимальной степенью откровенности, до исповеди, которая характеризуется максимальной степенью откровенности и самораскрытия. Некоторые публичные выступления политиков содержат признания вины, ошибок как в политической деятельности, так и личной жизни (Б. Клинтон, Н. Саркози), откровенность в этом случае приобретает исповедальный характер. Например, выступление экс-президента России представляет собой пример откровенного признания, демонстрирует попытку не просто оправдаться и признать ошибки, но и снять груз с души. Для него характерны формальные признаки исповедального монолога: самораскрытие, раскаяние, чувство вины и необходимость выговориться, эксплицит-

ное выражение внутренних человеческих переживаний. Сигналами откровенности в новогодней речи Б.Н. Ельцина являются: речевой акт извинения (*хочу попросить у вас прощения*), эмоционально маркированная лексика (*одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного*), общая эмоциональная тональность раскаяния: *Сегодня, в этот необыкновенно важный для меня день, хочу сказать чуть больше личных своих слов, чем говорю обычно. Я хочу попросить у вас прощения. За то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что нам казалось просто, – оказалось мучительно тяжело. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее. Я сам в это верил: казалось, одним рывком – и все одолеем. Одним рывком не получилось. В чем-то я оказался слишком наивным* (Обращение президента Б.Н. Ельцина к гражданам России 31 декабря 1999 г.).

В целом для политического дискурса характерна низкая степень открытости, ситуация откровенности не является типичной или служит целям манипуляции общественным сознанием.

Доверительное общение в медицинском дискурсе реализуется в форме общения между врачом и пациентом. Немаловажным для создания атмосферы доверительного общения являются умение врача воздействовать на эмоции больного, демонстрация веры в выздоровление. Психологическое облегчение ситуации пациента, эмоциональное утешение важны не меньше, чем медикаментозное лечение. Ведущая роль в доверительном общении «врач – пациент» принадлежит врачу, от коммуникативного поведения которого в большей степени зависит характер интеракции, а презумпцией успешного лечения пациента является его максимальная откровенность.

В устном медицинском дискурсе выделяется ряд эмоционально маркированных тем (В.В. Жура), среди которых непосредственно с откровенным разговором связаны темы о личной жизни (вопросы об отношениях с близкими, смерти или заболеваниях близких, разрыве отношений, семейных проблемах) и «деликатные» темы (вопросы, открытое обсуждение которых представляет собой некоторое психологическое табу).

Наиболее ярко откровенное общение между врачом и пациентом проявляется в психотерапевтическом общении. В случае общения клиента и врача-психотерапевта неотъемлемой частью встречи становятся своеобразная исповедь, возможность «выговориться». В этой связи данный вид общения может отчасти соотноситься с религиозным дискурсом, поскольку по эмоционально-психическому накалу и интенциональности самораскрытия, которому сопутствуют осмысление прожитого и своего рода очищение, его можно сравнить с чистосердечной исповедью в храме. Откровенный разговор

в кабинете психолога имеет психотерапевтическое значение и содержит в себе элемент катарсиса.

В религиозном дискурсе откровенность реализуется в одном из церковных таинств – исповеди. Общей чертой религиозной исповеди и откровенности в бытовом межличностном общении является то, что доверитель вверяет лично значимую для него информацию, нежелательную для разглашения. Однако, в отличие от бытового доверительного общения, исповедальное состояние предполагает предельно возможное самораскрытие человека человеку. В связи с этим отметим, что не всякая откровенность является исповедальной (абсолютной) откровенностью. Одной из главных характеристик исповедальной откровенности является полное раскрытие для высвобождения, избавления от отягощающих душу личных переживаний, фактов, не преследующее никаких корыстных целей (например, спровоцировать на ответную откровенность собеседника).

Религиозная исповедь – добровольное действие и сознательное намерение рассказать правду, которым присуща наибольшая степень открытости, продиктованная внутренними потребностями самого доверителя (очистить, облегчить душу) и не требующая дополнительной стимуляции от конфиданта (священника); дискурсивная роль последнего в максимальной степени пассивна и сводится к умению выслушать и отпустить грехи.

В юридическом дискурсе реализация откровенности потенциально присутствует в диадах «следователь – клиент» (обвиняемый / подозреваемый) и «адвокат – клиент». При этом дискурсивные роли следователя и адвоката отличаются по степени активности и выбору тактик призыва к откровенности. Откровенный разговор со следователем и признание в содеянном находятся в зоне интересов обвиняемого / подсудимого, поскольку могут способствовать уменьшению срока наказания. Момент осознания говорящим / доверителем необходимости в откровенном признании сближает юридический дискурс с религиозным. Однако дискурсивная роль следователя не является пассивной: он активно стимулирует своего собеседника, чтобы получить максимально полную информацию о правонарушении и выявить те детали, которые обвиняемый может попытаться скрыть. Активное коммуникативное участие следователя в стимулировании к чистосердечному признанию осуществляется с помощью клишированных средств, мотивирующих данное действие, например: *Чистосердечное признание облегчает участь, вину и снижает наказание* и т.д. Безусловно, нередко подобные призывы следователя к откровенности получают манипулятивную окраску и напоминают сделку с правосудием.

В диаде «адвокат – клиент» максимальная откровенность расположена в зоне интересов клиента, т.к. малейший факт может стать зацепкой для адвоката, чтобы повернуть ход дела в пользу клиента. Дискурсивная роль адво-

ката, несмотря на его заинтересованность в помощи клиенту, является в большинстве случаев пассивной: адвокат не должен активно стремиться к овладению тайной.

В третьей главе «Откровенный разговор в бытовой межличностной коммуникации» выявляется и описывается специфика реализации откровенного разговора в бытовой межличностной коммуникации, выделяются типы коммуникативных ситуаций откровенного разговора, анализируются особенности коммуникативного поведения участников откровенного разговора – доверителя и конфиденанта, а также обсуждается метакоммуникативная деятельность участников откровенного разговора.

Прототипическая коммуникативная ситуация откровенного разговора в бытовом межличностном общении может быть охарактеризована следующим образом. По количеству участников откровенный разговор является закрытым коммуникативным событием с ограниченным числом коммуникантов. С точки зрения степени знакомства коммуникантов откровенный разговор происходит между очень близкими или хорошо знакомыми людьми. Базовой мотивационно-целевой интенцией адресанта является максимально искренний рассказ о личных переживаниях. Тема разговора – личная / интимная, касающаяся сугубо адресанта. По типу общения откровенный разговор реализуется в неофициальной обстановке и по признаку «наличие или отсутствие наблюдателей» является непубличным типом коммуникации. По способу общения откровенный разговор представляет собой непосредственный, контактный вид взаимодействия с использованием языковых средств разговорной речи. Откровенный разговор не ограничен во времени, но не имеет тенденции к повторению. Частая мена ролей «говорящий–слушающий» для данного типа коммуникации не характерна, поскольку адресант, имея острое желание выговориться, излить душу, солирует в коммуникативном пространстве откровенного разговора. Данные ключевые компоненты и обуславливают специфику откровенного разговора и особенности его вербальной и невербальной организации.

В реальной коммуникации откровенный разговор может варьироваться по ряду признаков. Приведем примеры вариативных ситуаций откровенного разговора.

1. С точки зрения интенции адресанта откровенного разговора можно выделить интенциональную (осознанную) и вынужденную откровенность. В большинстве случаев наблюдается осознанное желание адресанта откровенно поговорить, реализуя потребность говорящего в раскрытии души конфиденанту: *Она вместе с тем была очень откровенна, была у нее потребность, чтобы кто-то сидел рядом и слушал о том, что ее волнует, но не ее подлые замыслы* (Э. Герштейн. На фоне всех ревизий века). Вынужденная откровенность может являться следствием определенной стратегии адресата, стиму-

лирующей откровенность собеседника, или следствием воздействия алкоголя: *Она была пьяна в то утро, прозрачно откровенна и доверчива и рассказывала мне о своей жизни – о гимназии, о Петербурге, Флоренции, Дрездене, о довоенном Париже, о пансионе в Англии, где она училась, и о многом другом* (Г. Газданов. Ночные дороги).

2. С точки зрения подготовленности откровенный разговор может быть подготовленным (давно назревшим) или спонтанным, сиюминутным: *Прошное, вся жизнь его нынче в голове трезвой так ясно поднялась. И носить в себе эту боль было горько и невозможно. А кому рассказать? Лишь этому человеку* (Б. Екимов. Пастушья звезда. НКРЯ); *Я говорю вам о себе искренне и честно – сама не ожидала, что буду так откровенна* (Л. Смирнова. Моя любовь. НКРЯ).

3. По количеству коммуникантов. Откровенный разговор зачастую имеет место между двумя собеседниками, не исключено и большее число участников (например, разговор между тремя близкими подругами), но количество коммуникантов всегда ограничено.

4. По каналу коммуникации откровенный разговор может быть устным или письменным, непосредственным (с глазу на глаз) или опосредованным (например, через телефонную связь или Интернет): *Потому что по телефону откровенничать конечно легче...* (Д. Гранин. Нина).

5. С точки зрения достоверности откровенный разговор может быть истинным, мотивируемым внутренним искренним желанием говорящего высказаться и готовностью адресата выслушать, или ложным, обусловленным разными корыстными намерениями, в частности желанием говорящего стимулировать ответную откровенность.

6. По параметру «мена ролей» откровенный разговор может служить примером преимущественно монологического типа (когда говорящего переполняет желание выговориться) или представлять диалогический тип общения со сменой хода (степень дискурсивной активности участников в данном случае приблизительно одинаковая).

7. С точки зрения степени знакомства коммуникантов откровенный разговор может происходить как между близкими людьми, так и между едва знакомыми («эффект случайного попутчика»): *С мамой она была очень откровенна, рассказывала о своих увлечениях* (А. Терехов. Каменный мост); *Ему было все равно, кто сидит за столом, лишь бы выговориться, излить наболевшее, рассказать кому угодно, и лучше всего случайному встречному, которого больше не увидишь* (В. Валеева. Скорая помощь).

Возрастные, гендерные, социально-статусные вариативные признаки говорящих не оказывают решающего влияния на возможность возникновения и реализации откровенного разговора.

Одним из вариантов реализации доверительных межличностных отношений в бытовом дискурсе наряду с откровенным разговором является разговор по душам – национально-специфичный жанр гармонического общения, характерный для русского коммуникативного поведения (В.В. Дементьев).

Сопоставив разговор по душам и откровенный разговор, мы пришли к выводу, что общими интегральными характеристиками данных видов доверительного общения являются эмоциональная маркированность, настроенность адресата на понимание собеседника и особый тип личности адресанта, способный к доверительному общению. Различия наблюдаются, в первую очередь, в тематике общения. Спектр тем, обсуждаемых в разговоре по душам, может варьироваться от простейших бытовых до самых значимых, затрагивающих жизненные принципы, позиции и ценности: *И я хочу поговорить с вами по душам. Он говорил о том, как много надо перенести, преодолеть, чтобы в кратчайший срок выполнить ответственное задание – построить завод* (В. Кетлинская. Мужество). Содержание откровенного разговора фокусируется на приватной, личностной информации.

Во-вторых, если разговор по душам представляет собой национально-специфичный жанр, характерный исключительно для русского коммуникативного поведения (В.В. Дементьев), то подобное нельзя утверждать по отношению к откровенному разговору. Для разговора по душам, на наш взгляд, характерны взаимность, взаимообмен (душа с душой говорит), а откровенный разговор в большей степени однонаправлен, не предполагает ответной откровенности.

Откровенный разговор в рамках доверительного общения характеризуется постоянством ролей его участников, т.е. на протяжении всей ситуации общения роли доверителя и конфиденанта, как правило, неизменны.

Дискурсивная роль доверителя заключается в том, чтобы, как минимум, выговориться, поделиться наболевшим и излить душу, освободиться от существующего психоэмоционального напряжения и восстановить душевное равновесие и, как максимум, получить совет или поддержку. Данный факт обуславливает то, что речь адресанта более эксплицитна, в ходе общения именно доверителю принадлежит большая часть временного коммуникативного пространства.

Для того чтобы инициировать откровенный разговор или перейти к нему, доверитель использует различные коммуникативные средства, в первую очередь, инициирующие конструкции, позволяющие ему облегчить начало разговора и пригласить к разговору конфиденанта. Они могут быть утвердительными, выражающими интенцию доверителя открыться, либо вопросительными, направленными на прояснение степени готовности потенциального конфиденанта выслушать и выражаемыми речевым актом вопроса (*Могу я поговорить с тобой / с Вами с глазу на глаз / наедине?* и т.д.).

– *Мне надо поговорить под большим секретом*, – понизив голос, сказала младшая (Б. Васильев. Дом, который построил Дед);

– *Можно я буду с вами откровенна, как с родной мамой?* (Ю. Герман. Дорогой мой человек).

Приглашение к разговору со стороны доверителя нередко сопровождается различными дополнительными маркерами, в частности предложением уединиться (*Давай отойдем в сторону. Мне надо поговорить с тобой откровенно*), объяснением мотивов выбора конфиданта (*Я хочу поговорить с тобой откровенно как с человеком, которому доверяю*), просьбой о неразглашении информации. Очень часто доверителю нелегко начать откровенный разговор, он испытывает определенные трудности с самораскрытием, поэтому нередко откровенному разговору предшествует описание чувств, которые при этом испытывает доверитель, что он переживает в данный момент (*Я волнуюсь... Хочу поговорить с Вами о ...*).

Частотным при инициации откровенности является приглашение к разговору с помощью **речевого акта просьбы** (*Выслушай меня! Можешь ты выслушать меня?*), который позволяет доверителю открыто заявить о своем желании выговориться и побудить потенциального конфиданта к тому, чтобы тот его выслушал.

Для ситуации откровенного разговора характерна эмоциональная тональность общения, что отражается в авторском описании эмоционального состояния доверителя: *Он выплеснул всё это разом, в холодном ожесточении, почти в горячке, боясь остановиться, упустить хоть полсекунды, потому что если упустил бы её, остыл, то больше ничего и не сказал бы. А сейчас он говорил и говорил и не мог остановиться. Ему не только это хотелось рассказать, ему хотелось ещё и дальше рассказывать. Рассказывать о себе и о своей нелепой, смешной жизни ...* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Эмоциональное состояние доверителя, желание выговориться и при этом дистанцироваться от окружающих маркируются в наборе невербальных средств, характерных для коммуникативного поведения доверителя: просодических (*понизив голос до доверительного шепота*), проксемических компонентов (*Она прикрыла дверь и подсела ко мне ближе*), а также жестовых средств, движений тела и мимических компонентов.

Дискурсивная роль конфиданта может быть как пассивной, так и активной. Пассивная дискурсивная роль заключается в минимальном участии конфиданта в дискурсе, сводится к тому, чтобы выслушать доверителя, выразить сочувствие, помочь советом, если это требуется.

Выступая в активной дискурсивной роли, конфидант не просто поддерживает говорящего, помогая ему выговориться, выражая сочувствие, но также стимулирует откровенность адресанта, используя различные тактики,

провоцирующие начало откровенного разговора и/или поддерживающие откровенность во время интеракции.

Нами были выделены тактики призыва к откровенности, стимулирующие начало разговора.

1. Откровенность за откровенность: – *Видишь, я с тобой вполне откровенен. Будь откровенна и ты. – Пожалуйста* (А. Курчаткин. Сфинкс).

2. Заверение в конфиденциальности (*Это останется между нами / Я сохраню все, что ты мне скажешь, в тайне и т.д.*): *Ну, будь со мною откровенна, я тебя никому не выдам: ведь все это – одно притворство, чтобы только людей морочить?* (А. Куприн. Олеся).

3. Указание на преимущества откровенного разговора для доверителя (например, обещание помочь, дать совет, облегчить душу): *Будь же со мной откровенна, Олеся. Не знаю, смогу ли я тебе помочь, но, может быть, хоть совет какой-нибудь дам...* (А. Куприн. Олеся).

4. Апелляция к высшему нравственному императиву (к божеству, идеологическим, нравственно-этическим ценностям и т.д.): – *Ради бога, будь откровенна!*

5. Прямое побуждение к откровенности, осуществляемое с помощью средств выражения категории вежливости: *Пожалуйста, расскажи мне все откровенно.*

6. Редуцирование притязаний (конфидант использует данную тактику для получения минимума информации, осознавая, что рассчитывать на полную откровенность доверителя ему не приходится): – *А у Генки опять новая? – спросил Паша. – Скажи хоть, как зовут? – Зовут? Зовут, зовут, зовут... Дина!* (Г. Бакланов. Нездешний).

7. Тактика конкретизации:

а) может использоваться для инициации откровенности со стороны доверителя, когда потенциальный конфидант пытается уточнить свои догадки: – *Я знаю, – вырвалось у Коломнина. – У тебя что, женщина появилась? – чутько догадалась Галина. – Так лучше скажи честно! Я выдержу. Чем так-то* (С. Данилюк. Бизнес-класс);

б) может использоваться в ходе откровенного разговора, когда конфидант использует уточняющие конструкции для стимуляции дальнейшей откровенности: – *И ноготки такие красивые... и лак с блестками! – Деев, не заговаривай мне зубы. Скажи честно – нравится тебе Валька или нет?* (Т. Тренина. Русалка для интимных встреч (НКРЯ)).

8. Апелляция к близким отношениям (данная тактика позволяет стимулировать откровенность доверителя с помощью указания на близкие / доверительные отношения: *Мы же беседуем просто по-дружески; Не бойся, тут все свои и т.д.*): – *Рассказывайте, Людмила Николаевна, рассказывайте! Как на духу. Мы же с вами свои люди, стесняться нечего. Может быть,*

настораживают какие-то интимные подробности? (Н. Дежнев. В концертном исполнении).

9. Предложение выпить (данная тактика может быть использована в начале разговора, помогая инициировать откровенный разговор, и в середине, являясь стимулом для большего самораскрытия):

Ты можешь нам верить или не верить, но бояться тебе нечего. ... Так что доверься нам, давай выпьем, а потом потолкуем (В. Войнович. Москва 2042); *Мы снова выпили и помолчали еще несколько минут. Потом я признался* (Г. Садулаев. Шалинский рейд)).

Все выявленные нами вербальные и невербальные средства, используемые потенциальным конфидентом для инициации или стимулирования откровенности адресанта, можно классифицировать также с точки зрения интенции конфидента. Его призыв и стимулирование откровенности адресанта могут быть мотивированы искренним стремлением облегчить самораскрытие собеседника или обусловлены реализацией собственных корыстных целей. В частности, конфидент может использовать сообщение заведомо ложной информации в обмен на ответную откровенность.

Все метакоммуникативные высказывания, реализуемые в рамках откровенного разговора, могут соотноситься с позицией доверителя или с позицией конфидента и дифференцироваться с точки зрения этапа развития коммуникативного взаимодействия: а) начало / ввод в коммуникацию, с которым связано планирование разговора; б) поддержание разговора, связанное с непосредственной реализацией; в) стадия завершения, которой соответствует контроль за реализацией.

С этапом ввода в коммуникацию связаны метакоммуникативные высказывания, соотносимые с позицией доверителя. Основной функцией подобных метакоммуникативных действий является ориентирующая – доверитель настраивает конфидента на откровенный разговор, эксплицирует свои намерения, рассчитывает на доверительный разговор с конфидентом (*Хочу поговорить с Вами откровенно / Буду говорить предельно откровенно / Можно, я буду с Вами откровенна?* и т.д.).

Метакоммуникативные высказывания данной группы не только ориентируют на откровенный разговор, но и акцентируют внимание на его секретности, нежелательности разглашения: – *Я буду с вами совершенно откровенен – только, разумеется, то, что будет мною здесь сказано с глаза на глаз, публичному оглашению не подлежит* (В. Чернов. Перед бурей. Воспоминания).

Метакоммуникативные высказывания, принадлежащие доверителю, но соотносимые с этапом завершения интеракции, как правило, носят резюмирующий характер, акцентирующий внимание на степени откровенности: *Те-*

перь ты знаешь обо мне всё, даже неловко как-то. Никогда не был столь откровенен (С. Осипов. Страсти по Фоме).

Резюмирующая функция метакоммуникативных действий доверителя порой сопровождается:

а) объяснением мотивов откровенного разговора: *Я столь откровенен с вами из-за полной непреднамеренности нашей встречи, что, однако, ни-сколько не исключает ее предопределенности* (А. Пятигорский. Вспомнишь странного человека);

б) мотивировкой выбора конфиденанта: *Я с вами говорю так откровенно, потому что сразу вижу, что вы не из таких, которые выносят сор из избы* (А. Апухтин. Неоконченная повесть).

Не только начало и завершение разговора включают в себя метакоммуникативные комментарии доверителя, но и непосредственная стадия реализации откровенного разговора также сопровождается метакоммуникативным действием доверителя уточняющего характера, маркирующим степень откровенности (*буду откровенным до конца*): *Входим мы, и как остановилась она посреди каюты, красивая, будто наша Яблонька, сверкающая черными глазами, белыми перламутровыми зубками, освещенная ярким полуденным солнцем из открытого иллюминатора, как наклонилась она над альбомом жарко дышащей грудью – вспыхнул я, как солома на огне. И уж буду с вами откровенен до конца – до того захотелось мне поцеловать эту прекрасную девушку, что чуть не до крику* (А. Аверченко. Шутка мецената).

Для доверителя свойственна авторефлексия, представляющая собой попытку проанализировать причины собственной откровенности, что отражается в художественных текстах во внутренней речи говорящего: *Она продолжала говорить и одновременно удивлялась самой себе. «С чего это я вдруг так разоткровенничалась перед ним? Это что – благодарность за отпущенный в начале беседы в мой адрес комплимент? А может, этот бородастый доктор мне просто нравится? Быть того не может»* (М. Милованов. Кафе «Зоопарк»).

Метакоммуникативные речевые действия, соотносимые с позицией конфиденанта, выполняют две базовые функции: во-первых, констатирующую, во-вторых, оценочную. Метакоммуникативная квалификация высказывания, осуществляемая конфиденантом, предполагает две позиции с точки зрения предмета оценивания:

а) затрагивает содержательную часть разговора (мониторинг содержания разговора, внимание сфокусировано на материальной стороне высказывания): *Ваша откровенность мне нравится* (Л. Утесов. Спасибо, сердце!); *Я же к вам с полной откровенностью! – На что мне ваша откровенность?* (Д. Рубина. Несколько торопливых слов любви);

б) ориентированы на личность доверителя (акцентируется внимание на коммуникативном поведении адресанта, степени искренности его намерений): *Ты со мной откровенен. Это хорошо!* (В. Кожевников. Щит и меч).

Для конфиденанта также свойственно задаваться вопросом о причинах откровенности доверителя, при этом его метакоммуникативная деятельность в примерах художественной литературы присутствует во внутренней речи персонажа, маркированной кавычками: *Полтора часа очень откровенного разговора – почему-то он не сомневался, что никому, кроме него, она ничего подобного не рассказывала <...> «Впрочем, она же потому со мной и разоткровенничалась, что я не имею к ее жизни никакого отношения. Как с врачом ... или, если угодно, с исповедником ... Только без раскаяния и отпущения ... – подумал он с какой-то странной тревогой»* (В. Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный).

Констатация откровенности конфиденантом нередко осуществляется как реакция на уточняющий / косвенный вопрос доверителя: – *Кажется, я был с вами вполне откровенен. – О да!* – ответила она и засмеялась (М. Шагинян. Месс-Менд, или Янки в Петрограде). Метакоммуникативная деятельность конфиденанта в данных случаях моментальна и спонтанна.

Отсроченная во времени метакоммуникативная деятельность представлена в качестве реакции на состоявшийся в прошлом откровенный разговор, при этом отсроченная рефлексия на откровенность присуща в большей степени доверителю, сожалеющему о своей откровенности и адресующему свои сожаления а) непосредственно конфиденанту: *Не спрашивайте меня. Я к вам так хорошо отношусь, что не смогу вам не ответить. А потом я начинаю мучиться, зачем был так с вами откровенен. – Вам незачем беспокоиться. Я ни с кем не делюсь содержанием наших разговоров* (З. Масленикова. Разговоры с Пастернаком); б) третьему лицу: *Хотя есть такой оптический обман чувств: сегодня ты называешь кого-то другом, а завтра ... У меня с детства были друзья. Мне всегда казалось, что дружба сама по себе – это уже запрет на предательство. Да, меня предавали те, с кем я был по-особому откровенен, с кем был добр* (М. Магомаев. Любовь моя – мелодия).

Отсроченные метакоммуникативные действия конфиденанта, упоминающего о прошлой откровенности доверителя, встречаются редко: *Я буду откровенна, Гарвей, так же, как были откровенны вы в театре. Вы сказали тогда немного и – много* (А. Грин. Бегущая по волнам).

Метакоммуникативная деятельность может быть непосредственной или опосредованной, осуществляемой третьим лицом / сторонним наблюдателем (Воробьева, 2006). Анализ материала показал наличие примеров непосредственной метакоммуникации, отсутствие в нашем практическом материале метакоммуникативных высказываний, принадлежащих третьим лицам, что обусловлено, по всей видимости, доверительным характером общения,

непосвященностью третьих лиц и нежелательным присутствием сторонних наблюдателей при разговоре. Опосредованный характер метакоммуникации встречается в единичных примерах, не констатирующих, а предполагающих откровенность третьего лица.

В **заключении** диссертации подводятся итоги работы и определяются перспективы исследования, которые видятся в дальнейшем изучении ситуации откровенного разговора с точки зрения гендерной специфики, в сравнении и сопоставлении особенностей реализации откровенности в ситуациях институционального общения и повседневного бытового дискурса.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых журналах,
рекомендованных ВАК Минобрнауки России*

1. Наумова, М.М. Доверительное общение как специфический вид межличностной коммуникации / М.М. Наумова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2014. – № 2. – С. 106–112 (0,45 п.л.).

2. Наумова, М.М. Коммуникативная ситуация «откровенный разговор» / М.М. Наумова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 1 (43): в 2 ч. Ч. 1. – С. 127–130 (0,35 п.л.).

3. Наумова, М.М. Специфика реализации откровенности в массмедийном дискурсе / М.М. Наумова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15. Вып. 1. – С. 107–110 (0,45 п.л.).

*Статьи в сборниках научных трудов
и материалов научных конференций*

4. Наумова, М.М. Коммуникативная ситуация «доверие» в межличностном общении / М.М. Наумова // Международная научно-методическая конференция «Личность, речь и юридическая практика». – Ростов н/Д., 2012. – С. 128–130 (0,29 п.л.).

5. Наумова, М.М. Откровенность и откровенный разговор в русской лингвокультуре / М.М. Наумова // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности: сб. науч. ст. Вып. 7 / отв. ред. Т.Н. Синеокова. – Н. Новгород: Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2012. – С. 154–159 (0,35 п.л.).

6. Наумова, М.М. Откровенность в политическом дискурсе / М.М. Наумова // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы VII Междунар. науч. конф. г. Волгоград, 6 февр. 2013 г. / сост. Н.Н. Остринская, А.В. Простов. – Волгоград: Парадигма, 2013. – С. 265–270 (0,26 п.л.).

7. Наумова, М.М. Коммуникативная категория «откровенность»: лингвоэкологический аспект / Н.Н. Панченко, М.М. Наумова // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журн. – 2013. – № 1(21). – URL: <http://www.grani.vspu.ru> (авт. – 0,35 п.л.).

НАУМОВА Мария Максимовна

ОТКРОВЕННОСТЬ В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 29.04.15. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4 . Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27